

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Иванович Куприн

Париж интимный

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2474795

Париж интимный: Эксмо; Москва; 2006

ISBN 5-699-17615-2

Аннотация

«Помните, как мы были когда-то, давным-давно, резвыми семилетними мальчуганами и как нас впервые учили плавать? Существовало несколько методов в этой науке: плавание на бычачьих пузырях и на пробках, плавание на поясе, с поддержкой сверху; иные начинали плавать, держась за плечо опытного пловца, и так далее. Но был и суровый, героический способ обучения. Он состоял в том, что дружеская мощная рука хватает тебя поперек туловища и швыряет, как котенка, в воду. «Так, так. Барахтайся. Только держи голову над водой». Ты барахтаешься. Вода льется тебе и в рот и в нос. Глаза твои дико выпучены от страха и холода. Ты захлебываешься и задыхаешься...»

Александр Иванович Куприн Париж интимный

Помните, как мы были когда-то, давным-давно, резвыми семилетними мальчуганами и как нас впервые учили плавать? Существовало несколько методов в этой науке: плавание на бычачьих пузырях и на пробках, плавание на поясе, с поддержкой сверху; иные начинали плавать, держась за плечо опытного пловца, и так далее. Но был и суровый, героический способ обучения. Он состоял в том, что дружеская мощная рука хватает тебя поперек туловища и швыряет, как котенка, в воду. «Так, так. Барахтайся. Только держи голову над водой». Ты барахтаешься. Вода льется тебе и в рот и в нос. Глаза твои дико выпучены от страха и холода. Ты захлебываешься и задыхаешься. «Держи голову выше». И, наконец, в самую критическую минуту та же верная, сильная рука быстро извлекает тебя на поверхность. И ты потом еще долго прыгаешь на одной ноге, яростно мотая головой, чтобы вытрясти из ушей набившуюся в них воду, которая при каждом шаге бубнит в голове, как турецкий барабан. И – глядишь – через четыре дня юный пловец, воспитываемый в гуманной дисциплине, еще бьется беспомощно между своими желтыми капризными пузырями, а последователь ригор-

рического метода уже плавает свободно и уверенно и притом плавает не по-собачьи, а по-мужски, «по саженкам».

Этот второй метод я и предлагаю добрым россиянам, впервые попавшим в столицу мира.

Не уподобляйтесь никогда этим глобтроттерам, этим – по ловкому словечку остроумной Н. А. Тэффи – кукиным детям, которые успевают в течение месяца, при помощи гидов, путеводителей и вранья земляков-старожилов, изучить Париж «как свои пять пальцев». Смешно, грубо и жалко заблуждаются эти просвещенные путешественники. Вот краткий перечень тех впечатлений, которые они везут из Парижа на свою родину: Монна Лиза (Джиоконда), Гермафродит, Венера Милосская, Бриллиант, Регент, собор Нотр-Дам, Эйфелева башня, Большие Бульвары, Ателье Пуаре, да еще выставка Независимых, причем парижский кратковременный гость так и не догадается никогда: видел ли он футуристические полотна повешенными как следует или вверх ногами.

Резче всего останутся в его памяти рестораны, мюзик-холлы, ночные кабачки и театрики, и полутайные учреждения, где демонстрируются те мерзости, о которых не только апостол Павел запретил человеку глаголати, но которым не нашлось места даже в ужасном требнике Петра Могилы, в отделе «чин исповедания мирских человек». Замечательно: с незапамятных времен эти иностранные обозреватели музеев, пейзажей и нравов, так же как когда-то и наши прежние «ле бойяр рюсс», выносили из своего узкого и однобоко-

го опыта огульное мнение о развратности французских женщин.

Какое наглое и, главное, глупое вранье! Давно известно, что спрос родит предложение, а потому в каждой из современных огромных столиц требовательный, развратный, избалованный и богатый человек всегда найдет свой любимый свинушник. Но нет на свете женщин более порядочных, чем дамы из мелкой французской буржуазии. Они прекрасные, любящие, заботливые матери, внимательные и дружественные жены, отличные, бережливые домохозяйки, замечательные стряпухи. Вспоминается мне, как очень, очень давно я говорил на эту тему в Ялте с милым, ныне покойным, Чеховым. Тонкая наблюдательность его, конечно, вне сравнения. То, что я сейчас пишу, пишется почти с его слов. А под конец нашего разговора он сказал, улыбаясь своей *тонкой* и немного хмурой улыбкой:

– Знаете что? Весь день француженка строит, украшает и чистит свой дом: ну, вот точно как птица гнездо. Все для детей и мужа. А если муж вечером запоздает, то уж она без него ни за что не ляжет спать. Прождет хоть целую ночь. Так вот и в курятнике: куры никак не заснут, если нет петуха, все возьмется, а посадите к ним какого-нибудь петушишку, хоть самого плохонького, сейчас же успокоятся и заснут на месте.

Настоящего французского парижанина никогда нельзя увидеть болтающимся по улице праздно. Он или идет из до-

му в свое бюро, в свою лавку, или возвращается из бюро или из лавки в свой дом. Их «маленький завтрак» – это наш утренний чай: пьют кофе с хлебом из огромных, емких каменных чашек. Их завтрак – наш обед. Их обед – наш ужин. Ужинают поздно и не грузно, а ложатся спать рано, часов около девяти. Утром же в половине седьмого французский горожанин уже фыркает над умывальником. Это – зимою. А весной и летом мелкие буржуа обедают при открытых окнах. С улицы можно увидеть и щегольскую сервировку, и ослепительное столовое белье, дружную, непоколебимую семью. Обедают открыто. У нас, в бывшей России, про обедневшую крестьянскую семью говорили полужалостно, полупрезрительно: «Занавесившись едят». Вот во Франции-то и нет этого «занавесившись», так же как нет и спанья среди дня, этой растлевающей тело и дух распущенности.

Перед отходом ко сну буржуазная парижанка-лавочница позволяет себе «взять немного свежего воздуха». Она открывает окно и, облокотившись на подоконник, высовывается на улицу: мало ли чего интересного можно увидеть у соседей справа и слева, в их гостиных и кухнях, да и на самой улице. Но проходит десять-пятнадцать минут, и прелестная полная женская фигура уходит вглубь, с железным шумом захлопывая оконную раму. Она торопится, следуя мужнину зову, «прыгнуть» в «национальную постель» для сладкого отдыха после дня, проведенного в сплошной работе.

Вот вам среднебуржуазные французские женщины – по-

давяющее большинство парижского населения, – все эти жены и подруги мясников, булочников, молочников, слесарей, малюсеньких чиновников, счетчиков, контролеров и так далее. О дамах из финансовой буржуазии не говорю, потому что ее не знаю. Может быть, всего лишь одна сотая процента французских женщин (не парижских) ошеломляет иностранцев фальшивыми бешеными страстями, но и у этого ничтожного меньшинства всегда живет в душе серьезное стремление к дому, к детям, к скромной обеспеченности.

Говорят, французы скупы. Нет, они бережливы. Они знают, что деньги потому делаются круглыми и плоскими, чтобы у вздорных глупцов они легче катились ребром, а у разумных – удобнее складывались в стопки... Какая же это скупость, если необычайно тяжкая по тому времени контрибуция 1871 года была покрыта народом в течение шести месяцев. Клемансо в 1918 году, в дни перемирия, торжественно заявил: «Победой мы обязаны тому, что французский народ не пожалел для нее ни денег, ни собственной крови».

Говорят, что французы не хотят рожать детей. Нет, в теперешнее сумбурное и зыбкое время они боятся страшной ответственности за ребенка. Но поглядите, какой любовью, предупредительностью и вниманием окружены в Париже дети – это воистину короли Парижа. Право, есть только два народа на свете – Париж и Япония, где так обожают цветы, детей и улыбку.

Общая любовь к детям – это любовь к нации.

Вот почему я и думаю: все мы вернемся и, вероятно, скорее, чем предполагаем и гадаем, – домой, в Россию. О, я совсем не хочу знать о том, как многознающие, многоопытные деятели с крупными, почтенными, давно любимыми именами станут созидать будущую великую Россию. Я бы только хотел, чтобы мы, люди простые, памятливые и чувствительные, не забывали твердить: счастлив и крепок тот народ, который привык к мудрой бережливости, который уважает свой дом, который трудится ревностно и отдыхает вовремя, который в детях видит залог будущего здоровья нации.

Ведь такие уроки втуне не проходят?

Однако мысль о международных путешественниках, которые, ничего не видя и ничему не учась, развешивают михоходом (о, моя бедная родина!) ярлыки странам и народам, увлекла меня далеко в сторону.

На днях я вернусь к домашнему Парижу.